

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/519/3

Роль «Путешествия в полуденную Россию» В.В. Измайлова в формировании новороссийского текста русской словесности начала XIX в.

Сергей Сергеевич Жданов^{1,2}, Алина Анатольевна Ильницкая^{3,4}, Сергей Олегович Курьянов⁵

^{1,3} Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

² Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия

^{4,5} Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

^{1,2} fstud2008@yandex.ru

^{3,4} ilnitskaya.alina@mail.ru

⁵ so_k@inbox.ru

Аннотация. Рассмотрены элементы новороссийского текста, или мифа о Новороссии, представленные в «Путешествии в полуденную Россию» В.В. Измайлова. Новороссийский фрагмент травелога сопоставлен с иными текстам русской словесности конца XVIII – первой половины XIX в. В качестве основных пространственных сверткестов Новороссии выделены степной текст, а также локальные городские тексты (херсонский, николаевский, очаковский, одесский), включая связанные с ними образы новороссийской персониферы русской культуры.

Ключевые слова: сверткест, миф о Новороссии, новороссийский текст, травелог, Украина, персонифера, пространство, мифологема, мифема, В.В. Измайлов

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01431 «Репрезентация пространства Украины в русской культуре конца XVIII – XIX веков (на материале отечественных травелогов): дискурсы, нарративы, топосы», <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

Для цитирования: Жданов С.С., Ильницкая А.А., Курьянов С.О. Роль «Путешествия в полуденную Россию» В.В. Измайлова в формировании новороссийского текста русской словесности начала XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 21–31. doi: 10.17223/15617793/519/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/3

The role of V.V. Izmailov's "Journey to Middy Russia" in the formation of the Novorossiysk text in Russian literature of the early 19th century

Sergey S. Zhdanov^{1,2}, Alina A. Ilnitskaya^{3,4}, Sergey O. Kuryanov⁵

^{1,3} Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation

^{4,5} V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

^{1,2} fstud2008@yandex.ru

^{3,4} ilnitskaya.alina@mail.ru

⁵ so_k@inbox.ru

Abstract. The article examines the elements of the Novorossian text, or myth, in V.V. Izmailov's "Journey to Middy Russia" in comparison with other works of Russian literature from the late 18th to 19th centuries. This text in the travelogue can be represented as a system of local texts—the steppe text, the Kherson text, the Nikolaev text, the Ochakov text, and the Odessa text. The image of the Novorossian steppe here is predominantly a non-anthropic, wild, empty, and at times mortal space, i.e., an entropic topos in the process of being ordered/domesticated. This, in turn, actualizes the myths of creation and apocalypse, which are essentially connected with the pre-temporal and post-temporal states of being. The wilderness of the steppe in Izmailov's text is contrasted with the wilderness of a semi-natural garden (in the variant of the Novorossian (Nikolaev) locus of Spassky), depicted in a sentimentalist vein and suggesting the possibility of both contemplative solitude and erotic pleasure. Among the general features of the urban texts of Novorossia, a characteristic lacuna is noted—the almost complete disregard for the image of Potemkin and a weakened manifestation of the image of Catherine II, which in later texts are firmly associated with the representation of the Novorossian space. The Kherson text is the most extensively represented by Izmailov, in which the mythologemes of the wondrous emergence of the city, the trading city, the port city, and the southern capital are highlighted, which are also characteristic of Izmailov's variant of the Odessa text. Both local texts in Izmailov's work are also characterized by the motif of the attractiveness of the urban space. The mythologeme of the cultural kinship between the new Kherson

and Tauric Chersonese is also actualized within the framework of a general classical myth superimposed on the perception of the liminal South of the Russian Empire. Furthermore, the mythologeme of Kherson's multiculturalism is noted, including its expression in the particular mythologeme of the "city of churches," which is also characteristic of the Nikolaev text in Izmailov's work. Within the framework of Kherson's multiculturalism and port status, one can also consider the mythologeme of the city as a mediator between the North and the South. The Nikolaev and Odessa texts are represented in the travelogue by smaller fragments. The mythologemes of the Odessa text have been enumerated above. As for the Nikolaev text, it is characterized by the mythologemes of the "city of shipbuilders, port city," the "city—spiritual center of Orthodoxy in the south of Russia," and the "city near which the romantic Spassky tract is located." Finally, Izmailov's Ochakov text differs from the aforementioned local texts in the strong expression of the personosphere of the space of historical memory—through the images of Münnich, the not directly named Potemkin, and Suvorov—as well as its pronounced liminality between Russianness and Turkishness, which corresponds to the mythologemes "Ochakov—a city of Russian military glory" and "contemporary Ochakov—a city of battle ruins."

Keywords: hypertext, myth of Novorossiia, Novorossiia text, travelogue, Ukraine, personosphere, space, mythologeme, mytheme, V.V. Izmailov

Financial support: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01431: Representation of the Ukrainian Space in the Russian Culture of the Late XVIII – XIX Centuries (Based on the Material of Russian Travelogues): Discourses, Narratives, Toposes, <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

For citation: Zhdanov, S.S., Ilnitskaya, A.A. & Kuryanov, S.O. (2025) The role of V.V. Izmailov's "Journey to Midday Russia" in the formation of the Novorossiysk text in Russian literature of the early 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp.21–31. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/3

Пространственный сверхтекст, изучение которого было положено работами В.Н. Топорова [1, 2] и который в большом количестве современных исследований именуется локальным, топосным, топическим и проч., в современной науке о литературе достаточно подробно описан. Теоретические выкладки на сей счет появляются уже в 1990-х гг. и остаются в центре внимания исследователей до сегодняшнего дня. Это и само утверждение термина «сверхтекст», сделанное Н.А. Купиной и Г.В. Битенской [3], и работы Н.Е. Меднис [4, 5], В.В. Абашева [6], А.П. Люсого [7, 8], А.Г. Лошакова [9], М.П. Гребневой [10], Н.А. Рудиковой [11], О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича [12], С.О. Курьянова [13], а также коллективная монография «Сверхтекст: генезис, структура, семантика» [14], где рассматриваются разновидности сверхтекста, и другие исследования.

В связи с этим не обойдено вниманием гуманитаристов оказалось и пространство Новороссии в текстах русской словесности XIX в., которое рассматривалось в исследованиях, посвященных первоначально новороссийской образности как части образа Украины (например, А.В. Марчукова [15], Т.А. Васильевой [16]), а в последнее время особо выделенному топосу Новороссии [17] либо лиминальному Юго-Западу Российской империи [18]. В контексте репрезентации данного пространства следует подчеркнуть, по Т.А. Васильевой, «решающее влияние» в том числе «Путешествия в полуденную Россию» В.В. Измайлова, оказанное «на формирование образа современной Малороссии в имперской словесности» [16. С. 55], а также, как будет показано далее в статье, и новороссийского текста русской литературы. При этом и в диссертации Т.А. Васильевой, и в иных литературоведческих работах по измайловскому травелогу [19–22] акцент делался на малороссийскую пространственность, а новороссийский аспект оставался малоизучен. Соответственно, авторы данной статьи ставят перед собой цель показать характерные признаки новороссийского текста, опираясь на «Путешествие в полуденную Россию» В.В. Измайлова.

В зависимости от позиции интерпретатора в новороссийский текст в качестве самостоятельных и в то же время сверхтекстформирующих входят локальные (городские) тексты – одесский, херсонский, николаевский, екатеринославский и прочие, а также тексты региональные – донбасский и крымский. Вероятно, есть смысл выделять отдельно северопричерноморский и североприазовский тексты. Видимо, следует отдельно говорить об асканийском тексте (тексте Аскания-Нова). Отдельно стоит выделить днепровский текст, который соотносится с медиационно-транзитным топосом Днепра, соединяющим пространства Белоруссии, Малороссии и Новороссии. Соответственно, особо следует выделить локус днепровских порогов как одного из знаковых мест новороссийского текста. В любом случае все названные нами тексты, если и не являются текстами русской литературы, как минимум существуют в виде текстов культуры. И каждый из этих текстов состоит из мифологем и мифем, которые, безусловно, являются сверхтекстформирующими для всего большого новороссийского сверхтекста. Заметим также, что, если крымский текст изучен уже достаточно широко в отечественном литературоведении (работах А.П. Люсого [7], Н.П. Ивановой [23, 24], С.О. Курьянова [13], В.В. Курьяновой [25], П.В. Алексеева [26] С.С. Жданова [27] и др.), то по новороссийскому тексту в целом работ существенно меньше. Из некрымских локальных текстов Новороссии относительно исследован одесский текст [17, 28–34].

Обращение к новороссийскому сверхтексту предполагает в том числе дихотомию природного и антропо-пространственных типов, а также выделение различного рода переходных (демиприродных) локусов. В рамках природного пространства здесь основным топосом выступает степь. Соответственно, самый пространственный миф о Новороссии – «Новороссия – степной край». Исторически это то самое Дикое Поле (Великая Степь), через которое шли в разное время и в разных направлениях готы, гунны, сарматы, печенеги, половцы, монголы. Так, «природные локусы Новороссии представлены прежде всего степью», маркируемой

«масштабностью/простором» и «неосвоенностью/неокультуренностью ландшафта» [17. С. 219] в одном из первых значимых новороссийских текстов – «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П.И. Сумарокова, написанном примерно в одно время с рассматриваемым в данной статье измайловским, но последний получил более широкую известность. Новороссийская степь есть еще неосвоенное, неупорядоченное природное пространство, где антропность подавлена дикой природностью. Причем в том же сумароковском тексте стапной топос амбивалентен, выступая в антиантропной, смертельной, непривлекательной и – противоположной – привлекательной ипостаси. Так, неприветливым николаевским степям Сумароков противопоставляет «окрестности вокруг Херсона и Одессы», отмеченные «водной и растительной образностью» [17. С. 220].

В измайловском «Путешествии...» образ степи более гомогенен и прежде всего опирается на негативную характеристику данного пространства. Свои заметки о Херсоне автор начинает с репрезентации «неприятной» дороги по новороссийской степи, где трава «пожелтела от засухи» и «саранча покрывает нагие поля» [35. С. 276], следуя через это пространство, путешественник попадает в недавно построенный город Херсон. Находя простирающуюся степями дорогу от Херсона к Николаеву достаточно унылой, нарратор сетует, что вокруг «нет никакого селения, кроме почты и постоялого двора. Нет нигде ни деревца, ни цветочка, ни ручейка; одна желтая трава, перегоревшая от засухи, служит покровом сей наготы; ничто не прохлаждает воздуха» [35. С. 308], и пишет о том, что даже картина солнечного заката, которая так пленительна в других местах, в здешней степи «расположила» его «к унынию» [35. С. 309]. Смертность степи проникает во внутреннее пространство человеческой души: «душа остается мертва, подобно предметам, ее окружающим» [35. С. 309]. Вариантом мотива уныния в степном топосе Новороссии выступают у Измайлова мотивы печали, ужаса, визуальной неэстетичности: «Кроме степей и почтовых дворов, печально стоящих, не встречал я ничего приятного» [35. С. 270]; «Ужасный вид!» [35. С. 271]; «Этот двор стоит один посреди степи так печально» [35. С. 273]. Эту мотивную триаду «визуальная непривлекательность – пустота – уныние/печаль/скука»¹ как маркеры новороссийского степного пространства мы встречаем также у Сумарокова [17. С. 219].

Кроме того, мотивы пустоты и безжизненности у Измайлова актуализируют отсылку к целому мифологическому комплексу представлений, восходящих к хаотическому началу мира до творения демиургом и в конце тварного существования как превращения степи в пространство апокалиптической пустыни: «Нет нигде следов жизни; поля лежат пустые; одно небо с землею сливается²; зелень и трава не приносят удовольствия. Там... представляешь себе то время, когда хаос царствовал в творении, и живые существа не населяли еще мир наш; или когда воспоследует всеобщее разрушение в природе, и дикие пустыни покроют везде следы живущих

ныне людей» [35. С. 271–272]. Эта смертельная и энтропийная стихийность степи заострена в тексте через образ бури, когда ониризм нарратора являет ему, «что все стихии мира хотят разорвать союз свой и погрузить вселенную в новый беспорядок» [35. С. 272–273].

Негативные коннотации в изображении новороссийской степи (прежде всего в варианте николаевских степей) мы встречаем в позднейших текстах русской словесности XIX в. В степях Херсонщины «все наводит скуку и тоску» на нарратора в травелоге о путешествии в 1810 г. по южным окраинам Российской империи И.М. Долгорукого [36. С. 99]. Антиантропностью, масштабностью, непривлекательностью, ужасом маркировано изображение новороссийских степей в травелоге А.Ф. Воейкова (1825): «...в безлюдных степях, где путешественник обнимает зеленое дерево, как друга, с которым давно не видался и которого встретишь здесь не надеялся; где студеной колодезь охраняется как сокровище <...>, уродливые каменные истуканы пугают»³ [37. С. 119]. Новороссийские степи отмечены «мотивами новизны, неосвоенности, сопротивляющейся антропному вмешательству дикости» [18. С. 39] и в травелоге М.П. Жданова (1843).

Более сложная репрезентация степи в гоголевском «Тарасе Бульбе» Н.В. Гоголя (1835), где, с одной стороны, присутствуют мотивы неосвоенности, новизны, пустоты, неантропности топоса, а с другой – последний охарактеризован скорее положительно, отмечен привлекательностью и растительной витальностью, которую мы встречаем еще у Сумарокова в амбивалентном изображении степного пространства: «...все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений; одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу⁴, вытапывали их. Ничего в природе не могло быть лучше: вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов» [38. С. 17]. Важными элементами этого описания становятся образные приметы степи: полевые цветы («голубые, синие и лиловые волошки», «желтый дрок», «белая кашка» и «занесенный Бог знает откуда колос пшеницы») и птицы («шныряли куропатки», «неподвижно стояли ястребы», «крик... тучи диких гусей», «чайка... роскошно купалась в синих волнах воздуха») [38. С. 17]. В романе Г.П. Данилевского «Беглые в Новороссии» (создан в 1859 г.) картины новороссийской степи при всей авторской индивидуализации описаний имеют уже вполне традиционный вид мифологизированных константных представлений [13. С. 30]: «...они были, наконец, на рубеже того непочатого или мало еще початого края Новороссии <...> Пошла сплошная, необозримая степь, заросшая густыми цветущими травами. Сел и хуторов не было видно вовсе» [39. С. 106]. Соответственно, новороссийская степь есть не просто пространство Новой России, но и новая земля в принципе, находящаяся еще в процессе творения как преобразования хаоса, доадамическая и в этом смысле мифопоэтическая.

Важным маркером степного пространства Новороссии является ковыль: «...на полях здешних растет трава ковыль, мешает росту иной другой» [35. С. 392]. В измайловском варианте степи мы фактически не встречаем образов разнотравья. Образ ковыля же проникнут не растительной витальностью, а мортальностью / бесплодностью, губящей все остальное, что усиливает мотив антиантропности степного топоса: «Здесь степи не обрабатываются в течение нескольких столетий и затверделые, подобно камню⁵, не родят... травы и сена, оттого что на полях растет трава ковыль <...> и что сверх того позволяется крестьянам <...> разводить огонь, который нередко зажигает траву. Она сгорает так, что уже земля после того ничего не производит» [35. С. 391–392]. К образу ковыля, отсутствующему, надо заметить, в сумароковском тексте, в дальнейшем обращаются многие русские писатели. Мы встречаем его у Долгорукого и Воейкова, причем в тесной связи с водным ониризмом, когда пространство степи контаминируется метафорически с природным и не менее антиантропным топосом моря/океана: «По всей дороге до Николаева <...> вы ничего не видите, кроме дикой степи, никакого растения: один ковыль, как волна, вьется по земле» [36. С. 106]; «седой ковыль волнуется как Океан беспредельный» [37. С. 119]. Интересно, что морская образность косвенно реализуется и в измайловском тексте, где постоянный двор в степи уподоблен острову⁶, на котором человек представляется «занесенным на край света в необитаемой пустыне, подобно Робинзону» [35. С. 273]. Данилевский в «Беглых в Новороссии» также пишет о картине «божьей степи», где, «куда ни глянешь, все поле да поле, ковыль расстилается» [39. С. 106].

Впрочем, уже у Измайлова мы находим и первые свидетельства освоения степи, превращение ее из дикого, природного в демиприродное, рустикальное пространство (в варианте скотоводства прежде всего): у разумных землевладельцев в Новороссии «вырастают не только высокие травы, но и разные цветы: зелень свежа; и они косят сено несколько раз в год» [35. С. 392–393]; «восстановился мир – и Болгарцы с Молдаванами снова поселились на мирных полях, завели снова скотоводство» [35. С. 394].

Помимо характеристик топоса степи, природных примет Новороссии у Измайлова мало – и потому, что их немного в новороссийском пространстве, и потому, что автора больше интересуют антропные свойства пространства. Впрочем, важную роль в «Путешествии...» отводится Днепру, неразрывно связывая образ реки с образом херсонского локуса, где «из каждого уголка... виден блеск Днепра», «усеянный зелеными островами, покрытый судами, и быстро текущими вслед за плывущими барками», т.е. отмеченного наряду с природностью и антропностью [35. С. 279]. Описание Николаева начинается с картины окрестностей города – «долины, окруженной пригорками, при впадении Ингула в Буг, в нескольких верстах от Черного моря» [35. С. 313].

Гораздо более положительная характеристика иного типа демиприродного пространства – сада как особого сочетания природного и антропного про-

странств. Одно из ключевых мест николаевского текста – описание Спасского урочища, находящегося в предместье Николаева: «Если вы хотите увидеть романтическое⁷ убежище, пустыню, сотворенную для любви и счастья, то взгляните на Спасское урочище, в двух верстах от Николаева» [35. С. 315]. Измайлов говорит о данном локусе как квинтэссенции сентименталистской идиллии, «божественного уединения» [35. С. 317], представляющей в этом плане полную в своей облагороженной демиприродности противоположность пустыни дикой степи. Идиллическое начало выражено в различных диминутивных характеристиках местных сублокусов («светильный домик» [35. С. 315], «рощица» с «густой тенью», «тихие зеленые лесочки», «излучистые тропинки», «поющие птички» [35. С. 316]) и содержит отсылку к Делилю, видевшему сад как «образ вселенной, не порывающей с Природой, но умело усовершенствованной ее плодами цивилизации и труда человека» [40. С. 206]. Локус Спасского как важного места николаевского текста отмечен в текстах Сумарокова [17. С. 221] и Долгорукого, в травелог которого, как и у Измайлова, демиприродное пространство отмечено мотивом сакральности: «Какой божественный уголок в природе! Натура! Где ты взяла свои замыслы и планы, кои образовала на этой благоденственной почве земного шара?» [36. С. 182].

Локус Спасского также связан с крайне значимым образом новороссийской персониферы – князя Потемкина-Таврического. Одним из первых, соединивших мифему «Потемкин» с мифом Новороссии, был Г.Р. Державин в оде «Водопад»: «Чей одр – земля; кров – воздух синь; чертоги – вокруг пустыньны виды?» [41. С. 185]. В то же время в эпоху написания текстов Сумарокова и Измайлова под влиянием Павла I, стремившегося изгнать из пространства исторической памяти все, связанное с Екатериной II и, в частности, образ одного из ее главных фаворитов и фактически первого, если мы говорим о мифопоэтике, *genius loci* Новороссии. В сумароковском тексте имя Потемкина напрямую упомянуто два раза, при этом без связи с локусом Спасского (хотя сам топоним связан в мифотрадиции с мифом о спасении Потемкина, о чем нам, например, позднее сообщает Долгорукий⁸). В новороссийском фрагменте у Измайлова Потемкин, неназванный напрямую, выступает под псевдонимом «Русский наш Ришелье», который в рамках локуса Спасского выступает как его демиург: «...там одним взором и словом повелевал он природе, которая переменялась вдруг перед ним в своих видах под рукою каменосечцев, плотников и садовников» [35. С. 317]. Вообще же новороссийская мифема Потемкина тесно связана с мифемой Екатерины II и в том числе с событийным субтекстом екатерининского южного вояжа по новым территориям Российской империи. Эти два образа в пространстве Новороссии имеют демиургический оттенок упорядочивания хаотического и пустого пространства степи. Ср. в травелог Долгорукого: «...я уж в Николаеве, там, где не было ничего, кроме продолжения степи; там, где чудотворная рука Екатерины воздвигла новые грады, покорила новые себе языки»

[36. С. 111]; «Когда Екатерина набивала сваи в Петербургские болота и творила каналы, Потемкин на другом краю света нашел девственную природу и в степи насаждал вертограды!» [36. С. 184]. Также Спасское названо одним из «мест славы знаменитого вельможи» [36. С. 201].

При этом репрезентация Спасского в измайловском тексте содержит отсутствующие в сумароковском мотивы запустения, забвения и тщеты земного существования как проникновения энтропии в идиллическое упорядоченное пространство сада: «Теперь ничего не осталось; дом и сад запустели, и ничто в мире не сохранило их памяти... Подумайте о ничтожности вещей человеческих!» [35. С. 318]. Ср. у Долгорукого: «Но умер Князь, и замыслы его с ним похоронились» [36. С. 120]. Наконец, Спасское в измайловском тексте есть не только *locus amoenus*, но и *locus amoris*, в котором сочетаются мотивы идиллической *dolce far niente* и эротических переживаний: «пустыня, сотворенная для любви и счастья» [35. С. 315]; «беседка, приготовленная для тайнств любви и как будто скрытая самим Амуром» [35. С. 315–316], «сие сладкое убежище, где должно бы укрываться одним нежным любовникам, было увеселительным жилищем великолепия, скуки и, может быть, праздности» [35. С. 317]. Эротический подтекст мифологического образа сада, возможно, также содержит намек на увлечения Потемкина. У Долгорукого это ярче выражено в описании аналогичного Спасскому локуса Богоявленского: «Сад при нем назывался Витовкой. В то время, как он убирал его, Госпожа Вит кружила ему голову» [36. С. 185].

Помимо демиприродного пространства сада, новороссийская пространственная антропность в травелогe Измайлова выражена в локальных городских текстах – херсонском, николаевском, очаковском, одесском и других, являющихся важными структурными элементами большого новороссийского сверхтекста и, соответственно, новороссийского мифа. Именно изображению городов автором уделено наибольшее внимание.

Одним из первых локальных сверхтекстов, сформулированных Измайловым, является херсонский. В процессе описания города складываются первые с ним связанные мифологемы и мифемы. Так, рождение Херсона писатель называет «чудом»: «...посреди степи, в пустом месте одна воля назначает место города – и город возносится, люди селятся, земля обрабатывается» [35. С. 280] (мифологема – «город, созданный волей Потемкина», впрочем, здесь напрямую не названного, в отличие от текста того же Долгорукого). Говорит Измайлов и о густонаселенности молодого города, упоминая, что сюда «стекаются купцы изо всех краев земли» [35. С. 280]; здесь есть «купеческое предместье» с «домиками иностранных купцов», названное «лучшей частью города» [35. С. 278]; «Нигде жители не имеют столько средств к обогащению позволительно, как здесь. Коммерция есть душа города и жителей» всякий человек более или менее участвует в торговле» [35. С. 390] (мифологема – «Херсон – торговый город»). Важными составляющими элементами последней являются культурная гетерогенность, многоголосие, смешение нравов, обычаев, вер: «Херсон есть

город купеческий и довольно многолюдный. Здесь живут Поляки, Немцы, Французы, Англичане, Греки и Жиды. Здесь перемешиваются нравы, обычаи и веры нескольких народов» [35. С. 289]. Удивляет Измайлова и французская речь («язык Вольтера и Расина»), которая «гремит во всех устах» [35. С. 290]. В целом поликультурность Херсона позволяет рассматривать его как медиационный локус, где происходит не только торговля, но и трансфер культур: «Вот дух здешнего общежития, который мало-помалу сообщается от чужестранцев и к русским жителям в Херсоне!» [35. С. 292]. Примечательно, что Измайлов кладет начало развитию одной из важнейших мифологем, связанных с основанием Херсона, – отсылке названия города к Херсонесу Таврическому как образу, актуализирующему пласт античной культуры, контаминирующийся с новороссийским пространством, которое, соответственно, и новое, и крайне древнее одновременно: «...новой Херсон цветет, подобно древнему Херсону» [35. С. 280]. В основе мифологемы «греческий проект» Екатерины II, предусматривавший воссоздание Византийской империи, но завершившийся присоединением Крыма, Северного Причерноморья и Приазовья, с приобретением которых Россия получала свою долю античного наследия и возвращалась туда, где брало начало русское православное христианство, – в древний Херсонес, в честь которого и был назван вновь построенный Херсон. В рамках поликультурности Измайловым формируется и мифологема «Херсон – город церквей». Важное место автор отводит описанию собора, построенного внутри крепости: «Простой вид церкви пленяет; тенистые деревья обрамляют ее» [35. С. 281]. Отметим демиприродность локуса собора, который в духе сентиментализма выступает соединением природного и сакрального начал: «Храм Бога – в тени природы» [35. С. 281]. Кроме того, данный локус связан с пространством исторической памяти, актуализируя образ Екатерины II, в котором подчеркивается прежде всего имперскость, ассоциируемая с мифопоэтическим маскулинным образом царя-«Хозяина»¹⁰ пространства, а затем уже феминность: «Собор, построенный... для приезда возвышеннейшего из путешественников (отсылка к южному вояжу императрицы. – *Авт.*), громкого в мире, знаменитого в России, Хозяина посещаемой страны, Главы видимых Им народов, Царя – женщины, словом – Екатерины II» [35. С. 281]. Встречается нарратору и Синагога с «возвышенным местом», «окруженном балюстрадой» для проведения богослужений [35. С. 387].

Благодаря зданию Адмиралтейства, которое чарует путешественника «белым камнем» и «звучком работы» [35. С. 383], происходит невольное сравнение Херсона с Петербургом, мифологизируя, таким образом, город, хотя бы на короткое время, как «южную столицу». Херсонское адмиралтейство являлось первым на юге России и было основано в 1778 г. по указу императрицы Екатерины II на Днепровском лимане для строительства парусных судов всех классов для Черноморского флота Российской империи. Здание Адмиралтейства отмечено также мотивами визуальной привлекательности и многолюдности: «Оно прекрасно <...>

очень приятно гулять по берегу, высланному камнем, мимо верфей, при движении тысячи работников, под громом рубящих топоров, имея в глазах живость многолюдства и картину моря» [35. С. 384]. В связи с образом Адмиралтейства следует отметить, что херсонское пространство маркирует, наряду с мирно-торговым, военно-водная образность. Измайлов обращается также и к описанию местности, обозначая важнейшие для того периода части города: «крепость, начатая Аннибалом в 1778 году», с «каменными зданиями», арсеналом [35. С. 280], «Комендантский дом», «гауптвахту», – что порождает мифологему «Херсон – город-порт», включающую в себя мотив медиационности. Через Херсон, сыгравший в конце XVIII в. важную роль в развитии внутренних и внешних экономических связей России. Ср. у Долгорукого: «Торговля животворит совершенно берега Днепровы при скучном Херсоне. <...> Днепр приносит сюда все богатство лесов Белорусских: на нем чрез Кременчуг приплыло сюда в 1810 году до 150 тысяч дерев. Какое важное пособие для Крыма и Николаевской степи!» [36. С. 197].

В целом привлекательностью маркирован весь образ Херсона, за исключением локуса въезда в город, не показавшего «ничего приятного», а вот уже домики купеческого предместья «пленили» нарратора [35. С. 278]. При этом приятность Херсона как нового топоса в плане архитектурного облика противопоставлена приятности столичных, культурно «богатых», роскошных топосов, в том числе актуализирована антитеза херсонского и петербургского текста, метонимически сгущенного в локусе Эрмитажа: «Нигде, конечно, не увидишь величества Архитектуры, ни Луврской колоннады, ни Римского пантеона, ни Петербургского эрмитажа; но зато увидишь простоту, вкус и приятность, которые... не в одних богатых палатах, не в одних мраморных зданиях заключаются» [35. С. 279].

Наконец, в измайловском травелогe подчеркнута лиминальность Херсона, в данном историческом контексте его расположение на границе с маркированным турецкостью пространством, а в историческом прошлом – близость к Византии и вообще античной Ойкумене, выраженной топосами Крыма и Овидиополя, а также медиационность между мифопоэтическим Севером и Югом: «Туда к Югу далее... стоит Царь-Град, древняя Византия <...> На правой руке по берегу Черного моря простираются наши владения... до города Овидиополя и Днестра, который служит границей между нашею и Турецкою землею. На левой руке... цветет во всей красоте полуостров Крым, славный в древности по своей коммерции» [35. С. 300].

Николаевский текст у Измайлова, по сравнению с херсонским, представляется меньшим по размеру, но не менее красочным¹¹. Данный текст строится на трех основных мифологемах: «город судостроителей, город-порт», «город – духовный центр православия на юге России» и «город, рядом с которым находится романтическое Спасское урочище» (о последнем говорилось выше). Путешественник называет «главными украшениями города» Адмиралтейство, крепость и суда, стоящие на якоре [35. С. 314]. В восприятии Измайлова Николаев приобретает значение православной

святыни благодаря главной соборной церкви Св. Григория, которая в аспекте внутреннего устройства пространства «есть здание вкуса и нежности. <...> Четыре арки составляют своды; шесть мраморных колонн горизонтально пересекают трапезу; над алтарем сгибается купол, поддерживаемый восьмью колоннами, из которых четыре окружают жертвенник, а другая окружена царскими дверьми, и алтарь представляет полукружие» [35. С. 314]. Адмиралтейский собор (Собор святого Григория Армянского¹²) – православный храм, связанный с именем князя Григория Потемкина, существовал в Николаеве с XVIII по XX в. При этом, напомним, имя Потемкина и его роль в херсонском тексте упомянуты Измайловым скупко, лишь в репрезентации Спасского. Этот локус связан у Измайлова с еще одним образом николаевской персониферы – швейцарца Фабра, «у которого оно куплено за 5000 р.» [35. С. 318]. Образ данного иностранца закрепился в пространстве исторической памяти николаевского текста в сюжете исторического анекдота. Согласно ему, Фабр был ограблен разбойниками, а его жена изнасилована, что переводит регистр повествования о Спасском из идиллического в авантюрно-приключенческий. В эмоционально окрашенном варианте Измайлова «злодеями» выступают переплывшие Буг «Запорожцы»¹³ [35. С. 319]. В лаконичном сумароковском изводе названный Фабрием иностранец и его жена страдают от набега турок [17. С. 234].

Что касается очаковского текста, то в отечественной литературе он формируется до Измайлова (и Сумарокова) в оде Державина «Осень во время осады Очакова», где актуализируется мифологическое, по сути, противостояние Севера и Юга, когда «российский Марс» Потемкин ведет полки на полуденные земли – «древнее царство Митридата» [41. С. 122]. В рамках персониферы очаковского текста поэтом упомянуты «мать» «росских Ахилесов» Екатерина II [41. С. 123] и князь С.Ф. Голицын. Образ русского воинства также весьма мифологизирован: «богини северной сыны» [41. С. 123]. В тексте Сумарокова эта персонифера включает Миниха [17. С. 231], Суворова и ряд других военных, причем образ Суворова имеет черты мифологизации [17. С. 232].

Как и у прочих авторов, репрезентация Очакова у Измайлова тесно связана с пространством исторической памяти, актуализирующей целый пласт батальных сюжетов лиминального Юго-Запада империи. Так, автор отмечает занимательность степной дороги от Очакова до Одессы, «потому что Карл XII укрывался на ней после Полтавской баталии» [14. С. 358], – таким образом не только включая мифему «Карл XII», а вместе с ним и, конечно, мифему «Мазепа» в миф о Новороссии, но и связывая миф о Новороссии с мифом о Полтавской баталии – событийным сверхтекстом. Основной же очаковский текст Измайлова строится на мифологеме, связанной с военной славой города («Очаков – город славы русского оружия»). В измайловском тексте упомянуты сюжеты двух осад Очакова: «...город, которой два раза исчезал в крови и пламени под нашим победоносным оружием – был взят Графом Минихом в 1737 году и возвращен Туркам в

1739 году, – возник снова из своих развалин и пал уже в конечном разрушение от руки последнего завоевателя» [35. С. 338]. При этом, заметим, что имя последнего завоевателя – Потемкина – опять не названо. С очаковским текстом связан и локус Кинбурнской косы с крепостью, в осаде которой отличился Суворов, чей образ также мифологизирован: «наш Рымникский с 1-го октября 1787 года покрыл себя славой» [35. С. 346]. В целом измайловское описание пространства войны сдержанней, чем в текстах Сумарокова и Долгорукого, лишено черт батального ониризма [17. С. 232] и травестии [17. С. 233]. Особенно отличился в этом плане второй автор, соединяя начала Эроса и Танатоса в сцене разгромленного Очакова, где «наши знатные дамы, в награду сладострастному победоносцу, возили на санях свои прелести, переезжали костры мертвых тел и в богатых землянках, среди роскоши и неги, забывали в объятиях Потемкина все ужасы военного ополчения» [36. С. 126–127]. Измайлов же более сдержан, не изменяя, впрочем, высокому стилю нарратива, описывая, например, гибель турок на Кинбурнской косе: «Тысячи погибли на сухом пути; тысячи <...> нашли один разверстый гроб в море» [35. С. 349].

В пространстве настоящего Измайлов, как Сумароков, а впоследствии Долгорукий, изображает Очаков моральным топосом, не восстановленным после войны: «...ныне... в нем только одни остатки... укреплений, непреодолимых для всякого оружия, кроме Русского; развалины домов и мечетей, пустые стены и насыпные бугры, где заступ претывается о груди тел человеческих» [35. С. 339]. Положительно в повседневном Очакове охарактеризован, также подобно Сумарокову, местный карантин, место, способное «усладить душу страждущего» и вызвать «сладкое умиление» у наблюдателя, а также отмеченное «порядком» и «чистотой» [35. С. 351].

Одесский текст в измайловском травелогге еще менее значителен по объему, чем николаевский, а также фактически лишен персониферы и пространства исторической памяти (в рамках бывшей турецкости города), что отличает вариант Измайлова от изводов одесского текста у других авторов. Одним из конституэнтов одесского текста здесь является мифологема о чуде (стремительного/мгновенного) возникновении Одессы, что в целом характерно для репрезентаций новороссийской городской триады – Херсона, Николаева, Одессы: «Рождение Одессы есть... чудо. В 1794 году было здесь одно пустое место; но в 96 году мгновенно вознесся город, поселилось множество жителей» [35. С. 359].

Другая мифологема «Одесса – большой торговый порт» включает в себя два компонента. Во-первых, это торговость топоса, акцентированная Измайловым: при возникновении Одессы «торговля открылась, и теперь купеческие суда стоят в гавани» [35. С. 359]; «здешние жители» «все купцы, люди, занятые коммерцією; едва ли найдется один из них, который бы не имел участия в торговле. Одна живет в городе и в умах» [35. С. 360–361]. Отмечается «живость» местной биржи [35. С. 360]. Сконцентрированность на одной торговле отличает измайловскую Одессу от его же Херсона. В первой нет интеллектуальной жизни, бесед о «высоком»,

светского общества: «Одесса есть коммерческий город, и... в нем не должно искать общежития» [35. С. 362]. Ср. у Долгорукого: «торговля... одна и красит Одессу» [36. С. 140]; «Многие богатые купцы <...> насылают приказчиков, кои не в праве роскошничать, берегут деньги и копят их; следовательно, город не оживотворен, он мне показался скучен» [36. С. 163–164]. Торговостью отмечен образ Одессы А.С. Пушкиным («Там хлопотливо торг обильный свои подбемлет паруса» [42. С. 201]), И.П. Бороздной («Прилив гостей иноплеменных, алчбою злата привлеченных, и своеземных торгашей» [43. С. 81]). Как и у Сумарокова, мирно-торговый характер Одессы имеет вектор проективности, реализации потенциалов в будущем: «Черноморская коммерция может сделаться со временем выгоднее Балтийской; но торговля <...> любит процветать под тенью мира» [35. С. 363]. Во-вторых, Измайлов указывает на портовость города, его связь с морем: «Она есть одна из знатнейших гаваней в России» [35. С. 362]. Имплицитно эта портовость подразумевает потенциальную претензию Одессы на столичный статус (мифологема южной столицы), его конкуренцию с российским Северо-Западом в лице Петербурга (и Риги) как актуализацию южного вектора петровской политики, продолженного его наследниками: «Сей порт есть для Черного моря то же, что Рига для Балтийского <...> Все главные товары <...> входят в Россию <...> только через три порта, объявленные главными: через Одессу, Ригу и Кронштадт» [35. С. 363]. Расположение города на берегу сообщает ландшафту столь ценимую сентименталистами панорамную зрелищность, которая подчеркнута в мотив города-амфитеатра, где сценой, соответственно, служит водная гладь: «...открылся мне город Одесса на берегу Черного моря и на горе; здания возвышаются в виде амфитеатра; разноцветные флаги развиваются у пристани» [35. С. 359]. Контаминация образов города и моря порождают также особый ониризм – образ города-корабля: «кажется, что гора со всеми домами, со всеми зданиями плывет с морем» [35. С. 359].

Эта визуальная привлекательность Одессы связана, в свою очередь, с мифологемой Одессы-красавицы, очаровывающей странника: «Красота домиков, картина моря, живость биржи, толпа торгующих, шум пристающих кораблей – все делает его (город Одессу. – *Авт.*) очень приятным» [35. С. 360]. Отметим, наряду с мотивом привлекательности, также мотивы наполненности жизнью/движением/звуками и солнечности в репрезентации городского пространства: «люди ходили, шумели, толпились; солнце текло к последним пределам горизонта; огненная заря пылала на небе и на море; и вечерняя серенада... прибавляла к очарованию места и природы» [35. С. 360]. Соответственно, Измайлов изображает Одессу как типажный идиллический южный город, чью космополитическую обобщенность усиливает мотив серенады (не просто песни), которая имплицитно актуализирует мотив влюбленности нарратора-фланера в город. Давая ему оценку, автор не находит нужных слов в родном языке и обращается к привычному в дворянской среде для выражения эмоций французскому: «Для сего городка

не может быть точного выражения на нашем языке; но Французы назвали бы его конечно *le joli*» [14. С. 360]. С французского языка «*le joli*» обозначает «красивый, милый». Но в то же время в этом определении можно увидеть намек на нерусскость красоты Одессы. Ср. у Долгорукого: «Для всех тех, кои привыкли к Русским городам, всякий иностранный (и Одесса строится, ду-маю, на манер такой же) покажется с виду нехорош. У нас что красит города и даже многие села? Церкви, колокольни и башни <...> В Одессе церквей мало, колоколен нет, ни что не выходит из кучи равного строения; и так первый на нее взгляд не обворожает» [36. С. 132].

Таким образом, травелог Измайлова, один из основных, лежащих в основании новороссийского текста русской словесности, содержит в себе ряд конституэнтов, характерных для последнего, и может быть представлен в виде системы локальных текстов – степного, херсонского, николаевского, очаковского, одесского, которые имеют разную степень выраженности в «Путешествии в полуденную Россию».

Образ новороссийской степи здесь есть преимущественно неатропное, дикое, пустое, порой мортальное пространство, т.е. энтропийный топос, находящийся в процессе упорядочивания/освоения, что, в свою очередь, актуализирует мифы творения и апокалипсиса, связанных, по сути, с довременным и послевременным состояниями бытия. Пустыни степи в измайловском тексте противопоставлена пустыня демиприродного сада в варианте новороссийского (николаевского) локуса Спасского, изображенного в сентименталистском ключе и предполагающего возможность как созерцательного уединения, так и эротического наслаждения.

Из общих особенностей городских текстов Новороссии у Измайлова отметим характерную лакуну – практически полное игнорирование образа Потемкина и ослабленное проявление образа Екатерины II, которые в позднейших текстах прочно связаны с репрезентацией новороссийского пространства.

В этом, на наш взгляд, проявляется особенность павловской эпохи, во время которой создавалась первая редакция «Путешествия...».

Наиболее широко представлен Измайловым херсонский текст, в котором выделена мифологема чудесного появления города, торгового города, города-порта, южной столицы, которые также характерны для измайловского варианта одесского текста. Для обоих локальных текстов у Измайлова свойствен также мотив привлекательности городского пространства, особенно ярко выраженный в одесском горно-морском пейзажном описании. Актуализирована и мифологема культурного родства нового Херсона и Херсонеса Таврического в рамках общего античного мифа, накладывающегося на восприятие лиминального Юга Российской империи. Кроме того, отметим мифологему поликультурности Херсона, в том числе выраженную в частной мифологеме города церквей, свойственной также николаевскому тексту у Измайлова. Далее, в рамках поликультурности и портовости Херсона можно выделить мифологему медиационности города между Севером и Югом.

Николаевский и одесский тексты представлены в травелогe меньшими по объему фрагментами. Мифологема одесского текста перечислены нами выше. Что касается николаевского текста, то для него характерны мифологема «город судостроителей, город-порт», «город – духовный центр православия на юге России» и «город, рядом с которым находится романтическое Спасское урочище».

Наконец, очаковский текст у Измайлова отличается от вышеперечисленных локальных текстов сильной выраженностью персониферы пространства исторической памяти – образами Миниха, неназванного напрямую Потемкина, Суворова, а также подчеркнутой лиминальностью между русскостью и турецкостью, что соответствует мифологемами «Очаков – город славы русского оружия» и «современный Очаков – город батальных руин».

Примечания

¹ Топос новороссийской степи в ее ярко выраженной антиантропной ипостаси есть прямая противоположность сентименталистского идеала облагороженной природы.

² Это слияние пространств земли и неба есть также маркер хаоса как синкретического начала.

³ Здесь и далее орфография и пунктуация текстовых источников XIX в. приближены к современным. – *Авт.*

⁴ У Гоголя мотив безлесности степного пространства сглажен, поскольку образ высокой травы выступает аналогом лесного локуса.

⁵ Мотив каменности есть маркер неоконченности творения, когда земная твердь еще слабо наполнена жизнью.

⁶ С другой стороны, на водное пространство перенесены свойства земного, когда воды Ингульца уподоблены характеризующей ужасом равнине, получающей, однако, несвойственную обычно стихии земли динамику: «Не можно было взиать без ужаса на влажную равнину, которая волновалась, кипела и чернела» [35. С. 274].

⁷ Ср. с развитием измайловской характеристики Спасского как «романического» локуса у Долгорукого, у которого это место, «где можно писать романы, пылать страстью и дать ее почувствовать другому» [36. С. 184].

⁸ См. у Долгорукого: «Говорят, что этот сад, или все место, названо Спасским потому, что Князь, живши в Николаева, катаясь по Бугу, против этого берега утонул было, но спасен; отсюда и имя дано месту» [36. С. 119].

⁹ Мотив чудесного возникновение антропного (городского) пространства посреди антиантропного, дикого топоса степи есть *locus communis* новороссийского текста, что мы встречаем эксплицитно в сумароковском травелогe относительно образов Николаева и Одессы. Имплицитно же этот мотив, связанный с мотивом быстрого роста новороссийских урбанистических локусов, маркирует и Херсон Сумарокова [17. С. 223].

¹⁰ Примечательно, что на образ монарха в контексте новороссийского пространства накладывается не менее мифопоэтический образ Петра как творца-демиурга Новой России в целом, т.е. Российской империи. По филиации идей нарратор восклицает при созерцании «чудом» рожденного Херсона: «Так творил людей Петр I! Так повелевает природе и человечеству могущество творческого Духа!» [35. С. 280]. В этом мотиве освоения нового топоса также можно увидеть скрытую параллель между петербургским и херсонским текстами.

¹¹ Это контрастирует с травелогом Долгорукого, где херсонский текст уступает николаевскому по объему и количеству положительных характеристик. «Скучный Херсон» [36. С. 197] – основная характеристика города в «Путешествии моем кое-куда...». «Скучный Херсон» [44. С. 90] упомянут и в записках Ф.Ф. Вигеля.

¹² Долгоруков травирует образы сакрального пространства и демиурга-Потемкина, сообщая последнему черты трикстера в пересказанном историческом анекдоте: князь «хотел дать изображению» святого «вид Азиатский и для того списал с одного Турка лицо, которое в одежде Священномученика поставлено в иконостас» [36. С. 113].

¹³ Образ запорожцев в русских текстах рубежа XVIII–XIX вв., как правило, негативен. Ср., например, противопоставление положительно охарактеризованных казаков Хмельницкого как борцов за свободу запорожским казакам-разбойникам в тексте Ф.Н. Глинки [45. С. 71].

Список источников

1. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Семиотика города и городской культуры: Петербург. Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. XVIII. С. 3–29.
2. Топоров В.Н. Петербургский текст. М.: Наука, 2009. 820 с.
3. Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура. Екатеринбург: АО «Полиграфист», 1994. С. 215–222.
4. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск: НГУ, 1999. 392 с.
5. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе: учеб. пособие. Новосибирск: НГПУ, 2003. 170 с.
6. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.
7. Люсий А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.
8. Люсий А.П. Московский текст: Текстологическая концепция русской культуры. М.: ВЕЧЕ; Русский импульс, 2013. 320 с.
9. Лошаков А.Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен: монография. Архангельск: Поморский университет, 2007. 344 с.
10. Гребнева М.П. Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности. Томск: ТГУ, 2009. 182 с.
11. Рудикова Н.А. Образы Парижа в русской и французской литературах конца XVIII – середины XIX вв.: диалог культур: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 222 с.
12. Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. Образы Неаполя в русской словесности XVIII – первой половины XIX веков. Салерно, 2014. 436 с.
13. Курьянов С.О. «Тайный ключ русской литературы»: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков. М.: ИНФРА-М, 2019. 308 с.
14. Сверхтекст: генезис, структура, семантика / науч. ред. С.О. Курьянов. М.: Директ-Медиа, 2023. 224 с.
15. Марчуков А.В. Образ Украины в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М.: Регнум, 2011. 294 с.
16. Васильева Т.А. У истоков украинофильства: образ Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 232 с.
17. Жданов С.С. Репрезентация пространства Новороссии в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П.И. Сумарокова // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 5. С. 215–239. doi: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-215-239
18. Жданов С.С. Пространственные образы лиминального Юго-Запада Российской империи (на материале «Путевых записок по России» М.П. Жданова) // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 30–63. doi: 10.22455/2686-7494-2024-6-3-30-63
19. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. СПб.: Академический проект, 2004. 271 с.
20. Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное: дис. ... д-ра философии по русской литературе. Тарту, 2010. 213 с.
21. Жданов С.С. «Нехай же москвичи к провинциям суровы...»: образ Кременчуга в травелогe И.М. Долгорукого // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: матэрыялы XIV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 85-годдзю філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Рэспубліка Беларусь, Мінск, 26 верасня 2024 г. Мінск: БДУ, 2024. С. 31–37.
22. Шарыпова В.С. Образ Киева в травелогe В.В. Измайлова «Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова» // Образы Новороссии в русской культуре: между прошлым и будущим: материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2025. С. 59–63.
23. Иванова Н.П. «Он был когда-то здесь...» (взаимосвязь пушкинского и крымского тестов русской поэзии XIX–XX вв.) // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. ст. VIII Междунар. симп.: В 2 т., Ялта, 09–13 июня 2024 года. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2024. С. 13–19.
24. Иванова Н.П. Опозиция «мечта – реальность» в крымском тексте В.Я. Брюсова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71), № 1. С. 60–69.
25. Курьянова В.В. Крымский текст в творчестве Л.Н. Толстого. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. 220 с.
26. Алексеев П.В. Крымский травелог Г.Н. Потанина: особенности структуры и идеологический контекст // Проблемы поэтики и стиховедения: материалы X Междунар. науч.-теоретич. конф. Алматы: «Улагат», КазНПУ им. Абая, 2024. С. 230–234.
27. Жданов С.С. Образы крымских городов в травелогe Н.С. Всеволожского // Образы Новороссии в русской культуре: между прошлым и будущим: материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2025. С. 16–21.
28. Калмыкова В.В. Одесский текст русской литературы (к постановке проблемы) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2014. № 6. С. 84–96.
29. Ладохина О.Ф. К вопросу о современном «одесском тексте» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 84–89.
30. Ладохина О.Ф. Трикстер в одесском тексте русской литературы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2-2. С. 219–223.
31. Панов А.С. Амбивалентность образа Одессы в репрезентациях русских и американцев в первой трети XIX в. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2016. № 2 (4). С. 110–119.
32. Треблер С.М. Одесский «локальный» текст в прозе Дины Рубиной // Говор: альманах. 2022. № 9. С. 414–418.
33. Хоменко Е. Литературный миф Одессы в малоизвестных текстах XIX века // Bibliotekarz Podlaski. 2020. Т. XLVIII, № 3. С. 241–254.
34. Шеховцова Т.А., Юрченко С.П. Одесский текст и одесский миф в русской прозе 1920–1930-х годов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Філологія». 2020. Вип. 86. С. 35–48.
35. Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию. В письмах, изданных Владимиром Измайловым. Ч. 1. М.: В университетской типографии у Ридигера и Клаудия, 1800. 441 с.
36. Долгорукий И.М. Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года. М.: Университетская типография (Катков и К°), 1870. 355 с.
37. Воейков А.Ф. Екатеринослав (из записок одного русского путешественника) // Новости литературы. 1825. Кн. 13, № 9. С. 119–144.
38. Гоголь Н.В. Тарас Бульба. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 256 с.
39. Данилевский Г.П. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1995. 496 с.
40. Лотман Ю.М. «Сады» Делиля в переводе Воейкова их место в русской литературе // Делиль Ж. Сады. Ленинград: Наука, 1987. С. 191–209.
41. Державин Г.Р. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. 470 с.
42. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1937. 700 с.

43. Бороздна И.П. Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма. Письма в стихах к гр. В.П. З[авадскому] Ивана Бороздны. М. : Типография С. Селивановского, 1837. 242 с.
44. Вигель Ф.Ф. Записки Филипа Филиповича Вигеля: издание «Русского архива» (дополненное с подлинной рукописи). Ч. 6. М. : Университетская типография, 1893. 195 с.
45. Жданов С.С. Пространственные образы Западной Украины в «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. XX Международный научный конгресс, 15–17 мая 2024 г., Новосибирск : сб. материалов : В 8 т. Т. 5: Международная конференция «Электронное геопространство: философско-гуманитарное и социально-правовое измерение». Новосибирск : СГУГиТ, 2024. С. 68–81. doi: 10.33764/2618-981X-2024-5-68-81

References

1. Toporov, V.N. (1984) Peterburg i "Peterburgskiy tekst russkoy literatury" [Petersburg and the "Petersburg text of Russian literature"]. In: *Semiotika goroda i gorodskoy kul'tury: Peterburg. Trudy po znakovym sistemam* [Semiotics of the City and Urban Culture: Petersburg. Works on Sign Systems]. Issue XVIII. Tartu. pp. 3–29.
2. Toporov, V.N. (2009) *Peterburgskiy tekst* [The Petersburg Text]. Moscow: Nauka.
3. Kupina, N.A. & Bitenskaya, G.V. (1994) Sverkh tekst i ego raznovidnosti [Supertext and its varieties]. In: *Chelovek – tekst – kul'tura* [Man – Text – Culture]. Ekaterinburg: AO "Poligrafist". pp. 215–222.
4. Mednis, N.E. (1999) *Venetsiya v russkoy literature* [Venice in Russian Literature]. Novosibirsk: NSU.
5. Mednis, N.E. (2003) *Sverkh teksty v russkoy literature* [Supertexts in Russian Literature]. Novosibirsk: NSPU.
6. Abashev, V.V. (2000) *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* [Perm as a Text. Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century]. Perm: Perm State University.
7. Lyusy, A.P. (2003) *Krymskiy tekst v russkoy literature* [The Crimean Text in Russian Literature]. St. Petersburg: Aleteya.
8. Lyusy, A.P. (2013) *Moskovskiy tekst: Tekstologicheskaya kontseptsiya russkoy kul'tury* [The Moscow Text: A Textological Concept of Russian Culture]. Moscow: VECHE; Russkiy impuls.
9. Loshakov, A.G. (2007) *Sverkh tekst kak slovesno-kontseptual'nyy fenomen* [Supertext as a Verbal-Conceptual Phenomenon]. Arkhangelsk: Pomor University.
10. Grebneva, M.P. (2009) *Kontseptosfera florentiyskogo mifa v russkoy slovesnosti* [The Concept Sphere of the Florentine Myth in Russian Literature]. Tomsk: TSU.
11. Rudikova, N.A. (2011) *Obrazy Parizha v russkoy i frantsuzskoy literaturakh kontsa XVIII – serediny XIX vv.: dialog kul'tur* [Images of Paris in Russian and French Literature of the late 18th – mid-19th centuries: a dialogue of cultures]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
12. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (2014) *Obrazy Neapolya v russkoy slovesnosti XVIII – pervoy poloviny XIX vekov* [Images of Naples in Russian Literature of the 18th – first half of the 19th centuries]. Salerno.
13. Kuryanov, S.O. (2019) *"Taynyy klyuch russkoy literatury": formirovaniye i stanovleniye krymskogo teksta v russkoy literature X–XIX vekov* [The "Secret Key of Russian Literature": The Formation and Development of the Crimean Text in Russian Literature of the 10th–19th Centuries]. Moscow: INFRA-M.
14. Kuryanov, S.O. (ed.) (2023) *Sverkh tekst: genesis, struktura, semantika* [Supertext: Genesis, Structure, Semantics]. Moscow: Direkt-Media.
15. Marchukov, A.V. (2011) *Obraz Ukrainy v russkom soznanii. Nikolay Gogol' i ego vremena* [The Image of Ukraine in Russian Consciousness. Nikolai Gogol and His Time]. Moscow: Regnum.
16. Vasilyeva, T.A. (2014) *U istokov ukrainofil'stva: obraz Ukrainy v rossiyskoy slovesnosti kontsa XVIII – pervoy chetverti XIX veka* [At the Origins of Ukrainophilism: The Image of Ukraine in Russian Literature of the late 18th – first quarter of the 19th century]. PhD thesis. Tomsk.
17. Zhdanov, S.S. (2024) *Reprezentatsiya prostranstva Novorossii v "Puteshestvii po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu" P.I. Sumarokova* [Representation of the Space of Novorossiya in P.I. Sumarokov's "Journey through all of Crimea and Bessarabia in 1799"]. *Nauchnyy dialog*. 13 (5). pp. 215–239. doi: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-215-239
18. Zhdanov, S.S. (2024) *Prostranstvennyye obrazy liminal'nogo Yugo-Zapada Rossiyskoy imperii (na materiale "Putevykh zapisok po Rossii" M.P. Zhdanova)* [Spatial Images of the Liminal South-West of the Russian Empire (based on M.P. Zhdanov's "Travel Notes on Russia")]. *Dva veka russkoy klassiki*. 6 (3). pp. 30–63. doi: 10.22455/2686-7494-2024-6-3-30-63
19. Shenle, A. (2004) *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoy literatury puteshestviy. 1790–1840* [Authenticity and Fiction in the Authorial Self-Consciousness of Russian Travel Literature. 1790–1840]. St. Petersburg: Akademicheskii projekt.
20. Bulkina, I. (2010) *Kiev v russkoy literature pervoy treti XIX veka: prostranstvo istoricheskoe i literaturnoe* [Kyiv in Russian Literature of the First Third of the 19th Century: Historical and Literary Space]. PhD thesis in Russian Literature. Tartu.
21. Zhdanov, S.S. (2024) ["Let the Muscovites be harsh to the provinces...": the image of Kremenchug in I.M. Dolgoruky's travelogue]. *Slavyanskiya literaturnyye kanketse susvetnay* [Slavic Literatures in the Context of World Literature]. Proceedings of the 14th International Conference dedicated to the 85th anniversary of the Faculty of Philology of the Belarusian State University. Republic of Belarus, Minsk. September 26, 2024. Minsk: BSU. pp. 31–37. (In Russian).
22. Sharypova, V.S. (2025) [The Image of Kyiv in V.V. Izmailov's Travelogue "Journey to Midday Russia by Vladimir Izmailov"]. *Obrazy Novorossii v russkoy kul'ture: mezhdru proshlym i budushchim* [Images of Novorossiya in Russian Culture: Between Past and Future]. Proceedings of the 1st All-Russian Conference. Simferopol: KFU. pp. 59–63. (In Russian).
23. Ivanova, N.P. (2024) ["He was once here..." (the interrelation of the Pushkin and Crimean texts of Russian poetry of the 19th–20th centuries)]. *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [The Russian Language in a Multicultural World]. Proceedings of the 8th International Symposium: In 2 vols. Yalta. June 09–13, 2024. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University. pp. 13–19. (In Russian).
24. Ivanova, N.P. (2019) *Oppozitsiya "mechta – real'nost'" v krymskom tekste V.Ya. Bryusova* [The "Dream – Reality" Opposition in V.Ya. Bryusov's Crimean Text]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. 5 (71) (1). pp. 60–69.
25. Kurianova, V.V. (2015) *Krymskiy tekst v tvorchestve L.N. Tolstogo* [The Crimean Text in the Works of L.N. Tolstoy]. Simferopol: Biznes-Inform.
26. Alekseev, P.V. (2024) [The Crimean Travelogue of G.N. Potanin: Structural Features and Ideological Context]. *Problemy poetiki i stikhovedeniya* [Problems of Poetics and Versification]. Proceedings of the 10th International Conference. Almaty: "Ulagat", Abay KazNPU. pp. 230–234. (In Russian).
27. Zhdanov, S.S. (2025) [Images of Crimean Cities in N.S. Vsevolozhsky's Travelogue]. *Obrazy Novorossii v russkoy kul'ture: mezhdru proshlym i budushchim* [Images of Novorossiya in Russian Culture: Between Past and Future]. Proceedings of the 1st All-Russian Conference. Simferopol: KFU. pp. 16–21. (In Russian).
28. Kalmykova, V.V. (2014) *Odesskiy tekst russkoy literatury (k postanovke problemy)* [The Odesa Text of Russian Literature (Towards the Formulation of the Problem)]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*. 6. pp. 84–96.
29. Lado khina, O.F. (2015) *K voprosu o sovremennom "odesskom tekste"* [On the Question of the Modern "Odesa Text"]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nye nauki*. 2. pp. 84–89.
30. Ladokhina, O.F. (2014) *Trikster v odesskom tekste russkoy literatury* [The Trickster in the Odesa Text of Russian Literature]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2-2. pp. 219–223.

31. Panov, A.S. (2016) Ambivalentnost' obraza Odessy v reprezentatsiyakh russkikh i amerikantsev v pervoy trety XIX v. [The Ambivalence of the Image of Odesa in the Representations of Russians and Americans in the First Third of the 19th Century]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*. 2 (4). pp. 110–119.
32. Trebler, S.M. (2022) Odesskiy "lokal'nyy" tekst v proze Diny Rubinu [The Odesa "Local" Text in the Prose of Dina Rubina]. *Govor: al'manakh*. 9. pp. 414–418.
33. Khomenko, E. (2020) Literaturnyy mif Odessy v maloizvestnykh tekstakh XIX veka [The Literary Myth of Odesa in Little-Known Texts of the 19th Century]. *Bibliotekarz Podlaski*. XLVIII (3). pp. 241–254.
34. Shekhovtsova, T.A. & Yurchenko, S.P. (2020) Odesskiy tekst i odesskiy mif v russkoy proze 1920–1930-kh godov [The Odesa Text and the Odesa Myth in Russian Prose of the 1920s–1930s]. *Visnik Kharkivskogo natsional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina. Seriya "Filologiya"*. 86. pp. 35–48.
35. Izmaylov, V.V. (1800) *Puteshestvie v poludennuyu Rossiyu. V pis'makh, izdannykh Vladimirom Izmaylovym* [Journey to Midday Russia. In letters, published by Vladimir Izmailov]. Part 1. Moscow: V universitetskoy tipografii u Ridigera i Klaudiya.
36. Dolgorukiy, I.M. (1870) *Slavny bubny za gorami, ili puteshestvie moe koe-kuda 1810 goda* [Fame is Behind the Hills, or My Journey to Some Places in 1810]. Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i Ko).
37. Voeykov, A.F. (1825) Ekaterinoslav (iz zapisok odnogo russkogo puteshestvennika) [Ekaterinoslav (from the notes of a Russian traveler)]. *Novosti literatury*. 13 (9). pp. 119–144.
38. Gogol, N.V. (1963) *Taras Bul'ba* [Taras Bulba]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press.
39. Danilevskiy, G.P. (1995) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. In 10 vols. Vol. 1. Moscow: TERRA.
40. Lotman, Yu.M. (1987) "Sady" Delilya v perevode Voeykova ikh mesto v russkoy literature [Delille's "Gardens" in Voeykov's translation and their place in Russian literature]. In: Delille, J. *Sady* [Gardens]. Leningrad: Nauka. pp. 191–209.
41. Derzhavin, G.R. (1957) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
42. Pushkin, A.S. (1937) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. In 17 vols. Vol. 6. Moscow: USSR Academy of Sciences Press.
43. Borozdna, I.P. (1837) *Poeticheskie ocherki Ukrainy, Odessy i Kryma. Pis'ma v stikhakh k gr. V.P. Z[avadskomu] Ivana Borozdny* [Poetic Sketches of Ukraine, Odesa and Crimea. Letters in verse to Count V.P. Z[avadsky] by Ivan Borozdna]. Moscow: Tipografiya S. Selivanovskogo.
44. Vigel, F.F. (1893) *Zapiski Filipa Filipovicha Vigelya: izdanie "Russkogo arkhiva" (dopolnennoe s podlinnoy rukopisi)* [Notes of Filipp Filippovich Vigel: publication of the "Russian Archive" (supplemented from the original manuscript)]. Part 6. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
45. Zhdanov, S.S. (2024) [Spatial Images of Western Ukraine in F.N. Glinka's "Letters of a Russian Officer"]. *Interexpo GEO-Sibir'. XX Mezhdunarodnyy nauchnyy kongress, 15–17 maya 2024 g., Novosibirsk: sb. materialov: V 8 t. T. 5: Mezhdunarodnaya konferentsiya "Elektronnoe geoprostranstvo: filosofsko-gumanitarnoe i sotsial'no-pravovoe izmerenie"* [Interexpo GEO-Siberia. 20th International Scientific Congress, May 15–17, 2024, Novosibirsk: Proceedings: In 8 vols. Vol. 5: International Conference "Electronic Geospace: Philosophical-Humanitarian and Socio-Legal Dimension"]. Novosibirsk: SSUGT. pp. 68–81. doi: 10.33764/2618-981X-2024-5-68-81

Информация об авторах:

Жданов С.С. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник языкового центра «Лингва» Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия); зав. кафедрой языковой подготовки и межкультурных коммуникаций Сибирского государственного университета геосистем и технологий (Новосибирск, Россия). E-mail: fstud2008@yandex.ru

Ильницкая А.А. – лаборант-исследователь языкового центра «Лингва» Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия); преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: ilnitskaya.alina@mail.ru

Курьянов С.О. – д-р филол. наук, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: so_k@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.S. Zhdanov, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); head of the Department of Language Training and Intercultural Communications, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fstud2008@yandex.ru

A.A. Ilnitskaya, lab assistant, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); lecturer, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: ilnitskaya.alina@mail.ru

S.O. Kuryanov, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian and Foreign Literature, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: so_k@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.06.2025;
одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 10.10.2025.*

*The article was submitted 01.06.2025;
approved after reviewing 04.09.2025; accepted for publication 10.10.2025.*